

С.А. Папков*

S.A. Papkov*

Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-9

УДК 343.43(571.1/5)“1929”

Выходные данные для цитирования:

Папков С.А. Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 89–97. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-09.pdf>

Vivian Itin during the Party Purge of 1929: Another Step Towards Ruin

doi:10.31518/2618-9100-2022-1-9

How to cite:

Papkov S.A. Vivian Itin during the Party Purge of 1929: Another Step Towards Ruin // Historical Courier, 2022, No. 1 (21), pp. 89–97. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-1-09.pdf>]

Abstract. The publication describes events in the life of the famous Siberian poet and writer, editor-in-chief of the magazine “Sibirskiye Ognii” V.A. Itin. This public figure accepted the Bolshevik regime during the Civil War, but eventually became its victim. The article considers such episode in the writer’s career as the party purge of 1929 and its consequences. The main features of Itin’s stay in the ranks of the CPSU(b) and the ideological and political claims to him in party circles are elucidated. We reproduce previously unknown fragments of the writer’s written appeals to the organizers of the purge, demonstrating his fundamental disagreements with the party environment and attempts to defend himself from unjust accusations. The purge of 1929 became an important phase in the personal life of the writer, as it provided significant compromising material for the final reprisal against him in 1937–1938. The publication contains new information about the life path of V.I. Itin as a representative of the first generation of Soviet cultural figures in Siberia. The text also vividly characterizes the features of social and political life in Soviet Russia at the turn of the 1920s–1930s.

Keywords: Vivian Itin, fiction and poetry, Siberia, American mission, party purge, NKVD.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В публикации реконструируются события из жизни известного сибирского поэта и писателя, главного редактора журнала «Сибирские огни» В.А. Итина, принявшего большевистский режим в период Гражданской войны и ставший в итоге его жертвой. В деталях рассматривается такой эпизод в карьере писателя, как партийная чистка 1929 г. и ее последствия. Выясняются основные особенности пребывания Итина в рядах ВКП(б) и идейно-политические претензии к нему в партийных кругах. Воспроизводятся неизвестные ранее фрагменты письменных обращений писателя к организаторам чистки, демонстрирующие его принципиальные расхождения с партийным окружением и попытки защититься от несправедливых обвинений. Чистка 1929 г. предстает как важная фаза в личной судьбе литератора, в ходе которой был подготовлен значительный компрометирующий материал для окончательной расправы с ним в период 1937–1938 гг. Содержание публикации предлагает новые сведения о жизненном пути В.И. Итина – представителя первого поколения советских творческих деятелей Сибири. Вместе с тем это служит также иллюстрацией особенностей общественно-политической жизни в советской России на рубеже 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Вивиан Итин, литература, Сибирь, американская миссия, партийная чистка, НКВД.

* Папков Сергей Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: spapkov@yandex.ru

Papkov Sergey Andreevich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: spapkov@yandex.ru

Писатель и поэт Вивиан Азарьевич Итин оставил заметный след в литературной и общественной жизни России и Сибири первых десятилетий XX в. Творчество и личная судьба этого человека, отразившие многие черты революционной и постреволюционной эпохи, довольно глубоко исследованы в современной историографии¹. Подробно описаны основные события, повлиявшие на жизнь и творчество писателя, оценен его вклад в развитие отечественной литературы, прерванный гибелью в застенках НКВД подобно многим его коллегам эпохи 1920–1930-х гг. Между тем круг публикаций продолжает расширяться, появляются новые архивные материалы о личности Вивиана Итина, открываются уточняющие сведения о драматических эпизодах его судьбы в период жизни в Сибири.

Новые документы, о которых идет речь в данной публикации, представляют собой материалы партийной чистки лета 1929 г., где Итину, как и другим членам ВКП(б), пришлось пройти унижительную процедуру своеобразного следствия, давая подробные показания о своих убеждениях и «сомнительных поступках» в прошлом. Эти материалы интересны не только как яркая иллюстрация новых аспектов биографии писателя. Их содержание отражает также важную сторону внутренней жизни Коммунистической партии, члены которой заняты систематическим выяснением отношений друг с другом и поисками «компрометирующих фактов» в биографии однопартийцев. Итину также пришлось пережить цикл подобных чисток в 1921, 1925 и 1929 гг., пройдя процедуру исключения, а затем восстановления в партии, получив при этом серию взысканий за «нарушение партдисциплины» и «отрыв от массы трудящихся».

Партийная чистка в июле 1929 г. стала для писателя очередным серьезным морально-психологическим испытанием. В этот период он – уже известный литератор и общественный деятель в Сибири, руководитель краевого Союза писателей со 150 членами², а также ответственный секретарь и редактор журнала «Сибирские огни», состоящий на партучете при отделении Госиздата (КОГИЗ) в Новосибирске. 18 июля Вивиан Итин предстал перед специальной комиссией, чтобы дать подробный отчет о своей деятельности в интересах советской власти и партии, принявшей его в свои ряды в августе 1920 г. Комиссия состояла из трех человек. В качестве наблюдателей присутствовали также члены ряда партийных и комсомольских ячеек (30 человек) и четверо беспартийных. Председателем комиссии был старый коммунист, член РСДРП с 1905 г., он же прокурор Сибкрая – Д.А. Лисин³.

Очередь Итина «держать ответ перед партией» подошла к пятому заседанию комиссии 18 июля 1929 г. Материалы о писателе докладывал секретарь партячейки, недавний рабочий П.П. Шелехов⁴. Речь этого человека, а за ним и остальных участников обсуждения,

¹ *Коптелов А.Л.* Вивиан Итин // *Минувшее и близкое*. Новосибирск, 1972; *Мостков Ю.М.* Путь Вивиана Итина // *Портреты*. Новосибирск, 1981. С. 3–73; *Очерки русской литературы Сибири: в 2 т.* Новосибирск, 1982. Т. 2; *Прашкевич Г.* Вивиан Азарьевич Итин // *Полдень. XXI век*. 2007. Май. С. 131–145; *Тепляков А.Г.* «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // *Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Вып. 6*. Новосибирск, 2015. С. 181–208; *Яранцев В.* Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури: Петербургское повествование. Новосибирск, 2018; и др.

² Советская Сибирь. 1929. 27 декабря.

³ Лисин Дмитрий Андреевич – рабочий, образование низшее, член ВКП(б) с 1918 г. (с 1905 – в РСДРП). С 1918 – ответ. работник партийных и советских организаций. В 1920-е – пред. Барнаульского окрсуда, 1-й зам., и.о. прокурора Сибкрая. 1929–1930 – прокурор Омского округа. С 12.1931 – зам. прокурора Запсибкрая, прокурор Тарского округа. В 1937 – врио прокурора Омской обл. 1939–1944 – пред. Омского обл. промсовета, зам. упр-щего «Обьлестреста», пред. Омского обл. профсоюза работников леса и сплава. 1944–1951 – директор магазина «Ювелирторг» (Омск). Умер 14.07.1951 (Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-2. Оп. 2. Д. 3893; Сов. Сибирь. 1928. 13 июля; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 539. Оп. 1. Д. 3222).

⁴ Шелехов Петр Петрович – рабочий, образование низшее, член ВКП(б) с октября 1917 г., в 1929 заведовал новосибирским городским отделом «Книгоцентр». С 1935 – зам. управляющего краевым отделением Госиздата. В 1941 г. – управляющий краевой конторой КОГИЗ в Барнауле. 21.07.1941 арестован, приговорен

свидетельствовала о тяжелой и напряженной атмосфере, так как судьбу писателя решали в основном люди совершенно далекие от литературы и какого-либо творчества вообще. Противоположные стороны, по сути, вели разговор на разных языках. Персона писателя была представлена в виде абсолютно чуждого и случайного человека в партии. Секретарь партячейки сказал, что Итин плохо исполнял долг коммуниста: редко посещал собрания, не платил вовремя взносы, не выполнял даже небольшие задания ячейки и за это получил ряд выговоров. «Мне кажется, – сказал секретарь, – Итин случайно попал в водоворот революции. Он скорее попутчик партии, так как работает замкнуто. Несмотря на продолжительный срок пребывания в коллективе Крайиздата, он не знает его». В конечном счете секретарь проявил снисхождение и предложил не применять крайней меры, отметив: «Однако как литератор, он выполняет большую работу, поэтому надо указать ему на все недочеты, но в партии оставить».⁵

Нападки на Итина продолжил инспектор КрайОНО В.П. Теряев⁶. Отметив, что в литературной деятельности писателя «не совсем ярко выражено лицо коммуниста», он установил: «Мне кажется, что у тов. Итина барское отношение к партии. К собраниям он относится спустя рукава, выговоры ячейки называет “махаевским настроением”⁷. Его конкретной работы по ячейке не видно».

Аналогичное мнение поддержал и некий Воробьев. Этот выступающий обратился к «истокам» мировоззрения писателя и его «ошибок». «Тов. Итин не имеет своего лица, – сказал он. – Идет туда, куда его позовут. Он марксист, но не верит в благополучный исход революции. Сейчас же он изменил свой взгляд или все еще не верит в силы рабочего класса и смотрит как наблюдатель, иногда с писательским любопытством. [...] До сего времени он с партией не сроднился, не сжился. [...] Не видно, какую борьбу он ведет с правым уклоном...».

Из числа литераторов с развернутой критикой, направленной все же в большей степени на защиту коллеги, выступила сотрудница «Сибирских огней» Надежда Чертова. Свою речь она начала с «общих задач» партии в области литературы, а затем затронула такую «болезненную» для многих тему, как писательские гонорары. «Коммунистов писателей у нас очень мало, – сказала она. – Писательская среда еще сохранилась и не может не влиять на писателей. [Она полагала, очевидно, что «писательская среда» как сфера интеллектуальной жизни должна была вскоре исчезнуть. – С. П.]. Задачи писателя в настоящий момент огромны, ему самому надо учиться и учить, воспитывать молодежь. Работая оторванно от партии и находясь в писательской среде, он иногда скатывается идеологически и в бытовом отношении. Так, например, писательница Караваева⁸ покупает себе дом. А 20 000 гонорара, которые получает Гладков за издание, не могут не повлиять на психику этого литератора. У тов. Итина таких отклонений не наблюдается. Здесь налицо какое-то отчуждение, отрыв от партии. Этот отрыв может быть объясним большой нагрузкой писательской работой.

Особым совещанием при НКВД СССР 23.05.1942 к 8 годам ИТЛ за «антисоветскую деятельность». Реабилитирован в 1955 г. (ГАО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 19550; Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 5. Барнаул, 2005. С. 346).

⁵ ГАО. Ф-П. 20. Оп. 1. Д. 255. Л. 25.

⁶ Теряев Владимир Прокопьевич – из крестьян, образование – 2 курса политехнич. ин-та, член ВКП(б) с 1925 г. В 1920-е гг. – инспектор ОНО Сиб. крайисполкома, зав. школьным отделом крайкома ВЛКСМ и инструктор школ рабочей молодежи. В 1932 г. заведовал КрайОНО в Новосибирске. В 1932–1936 – директор педагогического ин-та в г. Ворошиловске (Ставрополь). В сентябре 1936 г. арестован по обвинению в к.р. деятельности, приговорен к 3 годам ИТЛ (ГАО. Ф. П-2. Оп. 3. Д. 801; П-6. Оп. 4. Д. 35; П-3. Оп. 15. Д. 17138; Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_(1902)) (дата обращения: 20.11.2021).

⁷ «Махаевщина» – анархическое течение в российском революционном движении, возникло в конце XIX в., названо по имени лидера В.К. Махайского, последователи которого считали интеллигенцию паразитическим классом.

⁸ Караваева Анна Александровна (1893–1979) – советская писательница, редактор. С 1920 г. жила на Алтае, преподавала в совпартшколе Барнаула. С 1928 г. – в Москве. В 1931–1938 гг. – отв. редактор журнала «Молодая гвардия», автор ряда художественных произведений.

В настоящий момент тов. Итин продельывает большую работу как редактор журнала, выправляя его в идеологическом отношении, одновременно делая его массовым журналом, охватывающим все вопросы текущего дня. В этом большая заслуга Итина, в этом основное выполнение директив партии. [...] Тематика тов. Итина своеобразна. Нельзя поэтому требовать от писателя невозможного: он писатель-интеллигент и подделываться под рабочего-писателя не будет. Творчество Итина так же нужно, как и творчество рабочего-писателя. Мне кажется, учтя такое большое значение той работы, которую проводит тов. Итин по журналу, и отсутствие таких людей в нашей партии, его надо оставить, тем более что и руководящие органы признают линию его работы правильной и полезной».⁹

Дальнейшее обсуждение личности писателя протекало в такой же тональности. Выступивший член партячейки Поздняков посчитал необходимым указать, что «тов. Итин мало сделал для организации кружка стенкоров при нашем коллективе» и что «участие его в подготовке писателя-низовика никак не выражается».

Другой выступавший, Федоров, напротив, пытался приглушить критику в адрес литератора и приводил смягчающие аргументы: «Я оцениваю тов. Итина как руководителя журнала “Сибирские огни”. Получив тяжелое наследство, он начинает налаживать дело, выполняя директивы партии. Он совершенно чужд правого уклона. Все недостатки его личной и общественной жизни объясняются его воспитанием: он жертва воспитания. Партия, по-моему, сейчас недостаточно уделяет ему внимание в его работе. Мы ведем разговор о нем тогда, когда надо как будто выкинуть его [из партии], а до этого нами ничего не сделано»¹⁰.

Наибольшее возбуждение участников чистки вызывал вопрос о «компрометирующих фактах» из прошлого Итина – о его работе переводчиком в американской миссии в период Гражданской войны. Об этом говорил едва ли не каждый из выступающих, хотя писатель ранее неоднократно давал объяснения на этот счет. Однако и теперь этот эпизод рисовался присутствующим как акт измены пролетариату и сотрудничества с интервентами. Особенно настойчивы были те, кто об этом услышал впервые и поэтому они требовали отчета. «Для меня все-таки не ясна работа тов. Итина в американском информационном бюро... – говорил член партячейки Колодин. – Очевидно, он и сам чувствует, что это темное место. Вот почему он сам не пошел в партию, а ждал приглашения. Находясь в партии, он как будто не чувствует себя членом партии».

Участник собрания по фамилии Ткачук высказался еще суровее. Он объявил, что деятельность американского отделения «Союза христианской молодежи», с которой сотрудничал Итин, «носила контрреволюционный характер», из чего следовало заключить, что и те, кто служил в ее составе, – люди того же сорта.

Итоги дискуссии подвел председатель комиссии Лисин. Его оценка «политического лица» Итина звучала особенно зловеще. Лисин согласился с тем, что писатель «движется по течению» и что его пребывание в партии оставляет большие сомнения. «Итин – человек беспринципный, – заявил прокурор. – Он служит там, куда его пошлют. Служил в [американской] миссии, пришла советская власть – почему и тут не послужить. Он борется с правым уклоном, потому что ему сказали об этом. Во всех его действиях нет большевистской линии. Он высококвалифицированный, но партия [якобы] не позаботилась о нем. [...] Бросить партии упрек о том, что она не позаботилась об этом, неверно. Что сам Итин сделал для того, чтобы покончить со своим прошлым?». Завершил Лисин тем, что повторил уже прозвучавшие обвинения: «все еще не ясен вопрос о его работе в миссии» и у аттестуемого «барское отношение к партии»¹¹.

Последствия чистки были очевидны: наступила эпоха полного размежевания партии с разного рода «попутчиками», и Итину предстояло на себе испытать все свойства новой политической линии. Даже после девяти лет пребывания в партии его положение в больше-

⁹ ГАНО. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 255. Л. 25 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 25 об. – 27.

вистской системе оставалось крайне неустойчивым: оказалось невозможным скрывать несоответствие основных ценностей, выражаемых такими понятиями, как «свобода творчества», «независимые взгляды» и «личная позиция». И те глубинные противоречия, которые ментально разделяли интеллигенцию старой школы и носителей новой власти, неизменно всплывали наружу при всякого рода «чистках». В конце заседания Итину предоставили слово для краткого ответа на претензии, но звание «чужака» пока еще полезного для партии стало уже для него несмысленным клеймом.

По завершении работы комиссия вынесла вердикт, в котором все прошлые «ошибки» и «нарушения дисциплины» признавались как основание для исключения из ВКП(б), но так как писатель «встал на путь исправления», партия его прощает и дает новый шанс послужить ее интересам: «...Учитывая то обстоятельство, что тов. Итин за последнее время... проделал значительную работу по исправлению идеологической работы журнала “Сибирские огни”, принял активное участие по проведению постановлений Сибкрайкома по вопросам борьбы с правым уклоном, имевшим место в журнале “Сибирские огни”, и что тов. Итин при улучшении условий работы в партийной ячейке, членом которой он состоит, а до сего времени ячейка недостаточно чутко отнеслась к тов. Итину, не учла особенной обстановки в его работе как писателя, – он сможет принести пользу. Проверочная Комиссия считает возможным оставить его в рядах партии. Проверку считать прошедшей. За службу в американской миссии и Красном Кресте в качестве переводчика-информатора, отрыв от партии, нарушение профсоюзной и партийной дисциплины объявить строгий выговор с предупреждением»¹².

Итин был категорически не согласен. По окончании чистки он написал подробное заявление в комиссию, попытавшись опровергнуть выданные ему ярлыки и обвинения. Его обращение, полное возмущения и обиды за несправедливые оценки,местило все, что он уже говорил и что не успел выразить публично. Он писал¹³:

«Мне вменяется в вину: 1) служба в американской миссии (Христианского Союза молодых людей и Красного Креста в 1918–1919 гг.) и 2) отрыв от партии, имевший место более года тому назад.

I) В отношении первого пункта прошу принять во внимание следующее. Работа моя в миссии в качестве переводчика всегда была известна партии. При моем поступлении в партию и при чистке 21 года это обстоятельство не играло никакой роли, не вменялось мне в вину. Во время проверки 1925 года я был исключен, но постановление это было отменено СибКК (без всякого взыскания). Характер моей работы в миссии был тщательно проверен.

Комиссия по партчистке при ячейке СибОНО, где я проверялся досрочно ввиду отъезда, проявила к данной мною характеристике работы американской миссии при Колчаке незаслуженное мною недоверие. Я говорил, что был переводчиком, меня называли “осведомителем”. Я говорил, что миссия (частная благотворительная организация) не сумела спеться с колчаковской военщиной, фактически ей вредила и подвергалась травле [в] колчаковской печати. В постановлении же комиссии подчеркнута, что Христианский Союз молодых людей и американский Красный Крест (в последнем я работал не больше 2-х месяцев) являлись “представительством” интервентов при Колчаке. Это неверно. Роль государственного представителя от С.Ш. при Колчаке исполнял “генеральный консул”. К нему я не имел никакого отношения. С Х.С.М.Л. Колчак даже не желал разговаривать. Я подчеркивал, что мне было хорошо известно, что по существу Х.С.М.Л. есть реакционнейшая организация, но в конкретных условиях колчаковщины роль его была именно такая, как я говорил. В миссии я скрывался от колчаковщины, а не служил.

II) Временный отрыв от коллектива Сибкрайиздата действительно был. После проверки 1925 года я ушел со службы в Сибкрайиздате (в то время, когда был исключен из рядов ВКП(б)) и в течение 3-х лет жил на литературный заработок. В это время я надолго уезжал (в экспедиции). Поэтому считаю, что проделал значительную работу в ячейке парохода

¹² ГАНО. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 255. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 74–77.

“Север”, на котором пробыл 3½ месяца, работая среди матросов. Партколлектив Сибкрайиздата, мецанский по составу, застывший на одном уровне развития, меня отталкивал. К этому надо прибавить хроническую болезнь, лишившую меня периодически возможности говорить. С меня требовали врачебных удостоверений. В результате – три выговора. Положение изменилось, когда после назначения меня Сибкрайкомом основным работником в ред. “Сибирских огней” я снова стал служить в Сибкрайиздате. Тов. Шелехов, секретарь ячейки Сибкрайиздата, удостоверил на заседании во время чистки, что от партобязанностей я “не уклоняюсь”. В ячейке я работаю, как и все другие. Я хотел бы сделать больше, но времени для этого не хватает. Моя “нагрузка” двойная. Я – редактор большого журнала и в то же время писатель и руководитель писательскими организациями в Сибири. Более подробно о характере моей партработы в Сибирском Союзе Писателей прошу узнать из справки фракции С.С.П., имеющейся в делах Комиссии. [...]

На основании изложенного прошу окрКК изменить формулировку первой части постановления Комиссии и обсудить вопрос о размере наложенного на меня партвзыскания».

В тот же день, 18 июля, Итин передал в комиссию по чистке еще одно заявление, изложив новые аргументы против вынесенного решения. Он опять и опять объяснял свою роль в американской миссии, обстоятельства вступления в партию в 1920 г. и свою активную позицию большевика – борца за справедливую народную власть. «Считаю необходимым опровергнуть еще одно тяжкое обвинение, о котором не мог сказать вследствие недостатка времени. Меня попытались охарактеризовать как слизняка-интеллигента, “плывущего по течению”. Это означает обвинение в оппортунизме, приспособленчестве. Факты: в 1917 году, после октября, для меня, выходца из буржуазного студенчества, “плыть по течению” означало бы немедленно уехать из Петрограда [в тексте: Ленинграда. – С. П.] (университет был закрыт) и разделить участь всего уфимского студенчества¹⁴, отличавшегося на белогвардейском фронте. Я буквально в числе единиц сразу остался работать в пустых советских комиссариатах. Я шел “против течения”, повинуюсь своим политическим убеждениям. В Ленинграде был голод, в Уфе – жирная жизнь.

В 1918 году, когда я очутился в Уфе, у чехов, “плыть по течению” для меня означало бы “устроиться”, используя влияние отца, в одном из учреждений на “тепленькое” место. Я ушел в вагон “американской лавочки”. Я утверждаю, что для меня это была эмиграция, способ уйти от белогвардейщины – больше ничего. Работу миссии я охарактеризовал достаточно: буржуазная демократическая организация не сумела спеться с колчаковщиной и фактически вредила ей.

В 1919 году всем переводчикам, работавшим у американцев, была предоставлена возможность уехать в С.Ш. Почти все и уехали. Я остался в Красноярске, потому что там образовалась советская власть. Я говорил об этом подробно. Мне “вменяли в вину” даже то обстоятельство, что меня в 1920 г. “позвали в партию” и я таким образом опять “плыл по течению”. В партию я хотел вступить в 1918 г. вместе с профессором Рейснером¹⁵ и рядом других сотрудников НКЮ. Мы намеревались подать коллективное заявление. Я уехал в отпуск. В 1920 году, после службы у американцев, характер которой до сих пор не ясен многим партийцам, я не мог сразу, не доказав партии работой, кто я, вступить в партию. Меня позвали (а не “втягивали”). Я обрадовался и сразу вступил в ряды РКП. Ячейка предлагала принять меня без стажа. Мне дали стаж 3 м[есяца]. В 1920 г. “слизняк-интеллигент” Итин подписывал смертные приговоры белогвардейцам¹⁶.

¹⁴ Уфа – родной город В. Итина, в этот период там жили его родители.

¹⁵ Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) – ученый-юрист, публицист, историк. Революционер. После Октябрьской революции 1917 г. – профессор Петроградского университета, участвовал в разработке первой советской Конституции; один из основателей Коммунистической академии. Дочь проф. Рейснера Лариса была невестой В. Итина в студенческий период.

¹⁶ С декабря 1920 г. по июль 1921 г. Итин исполнял обязанности заведующего губюстом и члена коллегии ГубЧК в Красноярске.

Категорически отрицаю какое-либо шатание и приспособленчество в литературной области. Еще в 1920 году я писал в “Красноярском Рабочем” статьи, в которых (“против течения”) защищал здоровые стороны Лефа¹⁷, то, что “настоящцы”¹⁸ делают сейчас... В них трудно разобраться т.т., стоящим в стороне от литературной жизни. Выступление т. Теряева в этом отношении безответственно...»¹⁹.

В надежде переломить позицию комиссии Итин привел в свою защиту еще один аргумент – мнение секретаря Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцова, в лице которого талантливые литераторы в крае получали поддержку в противостоянии с идеологическими мракобесами. В заявлении он отметил, что, получив от Госиздата предложение переехать в Москву, его вызвал к себе секретарь Сырцов и рекомендовал остаться в Сибири. «Тов. Сырцов заявил, что ему известны махаевские настроения в нашей ячейке. Тов. Сырцов предлагал выкинуть 3–4 человека из ячейки, чтобы обеспечить мне нормальные условия работы. Я ответил, что в этом нет необходимости, что надо лишь сменить партруководство».

В дополнение к прочему Итин открыто указал одного из тех, кого он имел в виду: «Вы сами слышали выступление на собрании т. Прокуророва. Эта партплесень, человек с собственным домиком, заявил, что писатель Итин “пишет потому, что ему нравится получать гонорары”. Только поэтому. Что это – не явный ли отклик “махаевщины”, о которой говорил т. Сырцов?».

Процесс рассмотрения апелляции Итина продолжался до конца 1929 г. уже в отсутствие писателя, убывшего в продолжительную научную и творческую экспедицию по Северному морскому пути. Только здесь в 1930 г. по решению ячейки ВКП(б) при Комитете Севморпути выговор был снят²⁰. Но резонанс чистки уже оказывал свое влияние в повседневной жизни писателя. Это можно было понять даже по статье в «Сибирской советской энциклопедии», изданной в 1930 г., где Итину посвящалось несколько строк. Перечислив основные изданные труды литератора, статья пренебрежительно указала также на «характерные недочеты творчества Итина: книжность, суховатость, недостаточная идеологическая четкость»²¹.

Выводы. Чистка 1929 г. стала крупной вехой на пути к трагическому жизненному финалу писателя. Она подготовила значительный объем компрометирующего материала против Итина и создала для него, как человека «чуждой среды», еще большую идеологическую дистанцию с большевистской диктатурой²². И несмотря на дальнейший карьерный рост (переход в 1933 г. на пост ответственного редактора «Сибирских огней»), эта дистанция не становилась меньше, предвещая впереди губительные последствия.

В 1934 г. «идеологические ошибки» Вивиана Азаревича вновь стали для него источником крупных неприятностей. В этот раз причиной послужила публикация в «Сибирских огнях» материалов «враждебного характера». 15 января 1935 г. бюро Запсибкрайкома ВКП(б) вынесло решение, которое по условиям времени выглядело пока еще как проявление «чуткости» и «партийного гуманизма»: Итину «за напечатание ошибочных статей поставить

¹⁷ ЛЕФ – «Левый фронт искусств» – творческое объединение, существовавшее в 1922–1929 гг. В писательской среде «лефовцы» провозглашали идею упразднения традиционной литературы и замену ее «литературой факта».

¹⁸ «Настоящцы» – литературная группа, объединявшаяся вокруг сатирического журнала левого толка «Настоящее», издававшегося в Новосибирске в 1928–1930 гг. Группа прекратила существование и журнал закрыт по решению ЦК ВКП(б) и Сибкрайкома после острых нападок на М. Горького.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-20. Оп. 1. Д. 255. Л. 75.

²⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 6594. Л. 4 об.

²¹ Сибирская советская энциклопедия. Т. 2: 3–К. Новосибирск, [1931]. Стлб. 404–405.

²² Для оценки взглядов и характера В.А. Итина стоит принять во внимание высказывание писателя в 1938 г., которое пронесла через годы в своей памяти его дочь Лариса Итина. Она записала: «За несколько дней до ареста отца я зашла, как обычно, в его кабинет. [...] Совершенно неожиданно для меня отец начал рассуждать вслух: “Я бы к ним не присоединился, если бы они не дали все права евреям...”. Это не было понятно девочке в 11 лет, но, я думаю, отец рассчитывал, что я запомню». См.: *Итина Л.* Поэт, писатель и путешественник // Вестник. 2004. № 5 (342) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm> (дата обращения: 28.11.2021).

на вид». Это взыскание было снято в июле 1936 г.²³ До полного краха писателя оставалось немногим более года.

По многим признакам Вивиан Итин был обречен: ряд партийных взысканий, исключение из партии, а затем восстановление и к тому же «непролетарское происхождение» – все это с неизбежностью вело к роковому финалу. К осени 1937-го в управлении НКВД по Запсибкраю был уже накоплен значительный объем компрометирующих сведений на писателя, позволивший начать в партаппарате процедуру окончательной расправы. 11 ноября 1937 г. на основании чекистских материалов Новосибирский горком ВКП(б) исключил Итина из партии. 29 апреля 1938-го он был арестован. Уже на следующий день следствие смогло добиться от него (или фиктивно оформить) признания в шпионаже и затем быстро закончить «дело»²⁴. 17 октября по решению тройки УНКВД по Новосибирской области поэт и писатель Вивиан Итин был приговорен к «высшей мере» и 22 октября расстрелян. Реабилитирован трибуналом Сибирского военного округа в сентябре 1956 г. «за отсутствием состава преступления».

Литература

Горшенин А. Капитаны минувших десятилетий [О главных редакторах журнала «Сибирские огни»] // Сибирские огни. 2012. № 5. С. 166–181.

Итина Л. Поэт, писатель и путешественник // Вестник. 2004. № 5 (342) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm> (дата обращения: 28.11.2021).

Коптелов А.Л. Вивиан Итин // Минувшее и близкое. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое издательство, 1972. С. 130–156.

Мостков Ю.М. Путь Вивиана Итина // Портреты. Новосибирск, 1981. С. 3–73.

Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. / отв. ред. Л.П. Якимова и др. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 2. 606 с.

Прашкевич Г. Вивиан Азарьевич Итин // Полдень. XXI век. 2007. Май. С. 131–145.

Самсонов В. Первый советский фантаст // Енисей. 1982. № 1. С. 73–75.

Сибирская советская энциклопедия / под общ. ред. М.К. Азадовского и др. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, [1931]. Т. 2: 3–К. 1152 стлб.

Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Вып. 6. Новосибирск: Параллель; ИИ СО РАН, 2015. С. 181–208.

Шкурко Э. «Мир, непохожий на действительность, как мысль бессмертная моя...» // Бельские просторы. 2019. № 2. С. 182–188.

Яновский Н.Н. Итин Вивиан Азарьевич // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 260.

Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури: Петербургское повествование. Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2018. 420 с.

References

Azadovskiy, M.K., etc. (Eds.). ([1931]). Sibirskaya sovetskaya enciklopediya [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 2: 3–K. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ. 1152 column.

Gorshenin, A. (2012). Kapitany minuvshih desyatiletiiy (O glavnyh redaktorah zhurnala “Sibirskie ogni”) [Captains of Past Decades (About the Editors-in-Chief of the Siberian Lights Magazine)]. In *Sibirskie ogni*. No. 5, pp. 166–181.

Itina, L. (2004). Poet, pisatel’ i puteshestvennik [Poet, Writer and Traveler]. In *Vestnik*. No. 5 (342). Available at: URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm> (date of access 28.11.2021).

²³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 6594. Л. 11.

²⁴ Тепляков А.Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина... С. 200, 203.

Koptelov, A.L. (1972). Vivian Itin [Vivian Itin]. In *Minuvshee i blizkoe*. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo, pp. 130–156.

Mostkov, Yu.M. (1981). Put' Viviana Itina [The Way of Vivian Itin]. In *Portrety*. Novosibirsk, pp. 3–73.

Prashkevich, G. (2007). Vivian Azar'evich Itin [Vivian Azarievich Itin]. In *Polden'. XXI vek*. Maj, pp. 131–145.

Samsonov, V. (1982). Pervyy sovetskiy fantast [The First Soviet Science Fiction]. In *Enisey*. No. 1, pp. 73–75.

Shkurko, E. (2019). “Mir, nepohozhiy na dejstvitel'nost', kak mysl' bessmertnaya moya...” [“A World Unlike Reality, Like My Immortal Thought...”]. In *Bel'skie prostory*. No. 2, pp. 182–188.

Tepliyakov, A.G. (2015). “Ya ne chinovnik i ne trus”: sud'ba Viviana Itina [“I am Not an Official and Not a Coward”: the Fate of Vivian Itin]. In *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XXI veke*. Iss. 6. Novosibirsk, Parallel, II SO RAN. 181–208.

Yakimova, L.P. etc. (Eds.). (1982). *Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t.* [Essays on Russian Literature of Siberia: in 2 vol.] Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 606 p.

Yanovskiy, N.N. (1966). Itin, Vivian Azar'evich [Itin, Vivian Azarievich]. In *Kratkaya literaturnaya enciklopediya*. T. 3. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 260 p.

Yarancev, V. (2018). Vivian Itin. Grazhdanin Strany Gonguri: Peterburgskoe povestvovanie [Vivian Itin. Citizen of the Gonguri Country: Petersburg Narrative]. Novosibirsk, RIC NPO Soyuza Pisateley Rossii. 420 p.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.